

тью жандармских управлений¹. Убыль рабочих Урала связана, прежде всего, с частновладельческими и посессионными округами, где удельный вес местных взрослых рабочих мужчин сократился на 32%². Неравномерность тяжести военных испытаний на население казенных и частных горнозаводских округов усиливала *отчуждение к 1917 г. в отношениях государственных чиновников и представителей частного капитала*. Драматическое и в мирное время, в условиях войны оно придавало особую хрупкость общественному согласию.

Наконец отметим еще один аспект проблемы. Как показало исследование О. Н. Богатыревой, если на уровне губернии правительство могло опираться на многочисленный и централизованный штат чиновников, то уезд фактически оставался вне губернского управления и надзора. Это означало, что на «уровне уезда правительство не имело своих агентов»³. Государственная политика «пробуксовывала» в тех административно-территориальных единицах, где проживало большинство населения России.

Совокупность всех названных факторов обусловило хрупкость положения монархии, во многом, на поле отношений: столица — регионы. Война довела состояние хрупкости до предельного. Требовалось неосторожное движение правительства — и оно в феврале 1917 г. было сделано.

С. Ю. Шишкина

Тобольская губерния накануне 1917 г.

Анализ особенностей Февральской революции 1917 г., ее характера и влияния на исторический процесс невозможен без рассмотрения ситуации, которая сложилась в России под воздействием Первой мировой войны. Значительно изменилось массовое сознание и ценностные ориентиры народа. «Некритический патриотизм» начала войны сменился поиском «внутреннего врага», повысился уровень социальных противоречий и конфликтности.

¹ См.: Очерки истории Челябинской области. — Челябинск, 1968. — Ч. 1. — С. 170–171; Протасов Л. Г. О мобилизации рабочих в армию в годы Первой мировой войны // Рабочие России в период капитализма: сравнительный порайонный анализ. — Ростов н/Д. 1972. — С. 55.

² Подсчитано по: ГАСО. Ф. 1-р. Оп. 1. Д. 200. Л. 1; Ф. 73. Оп. 1 Д. 108-а. Л. 131–149.

³ Богатырева О. Н. Эволюция системы местного управления в Вятской и Пермской губерниях (1861 — февраль 1917 г.). — Екатеринбург, 2004. — С. 127.

При огромной протяженности территории страны война оказала различное влияние на регионы империи. В этом отношении Тобольская губерния, отдаленная от линии фронта, промышленно менее развитая, политически инертная, оказалась вне эпицентра основных событий эпохи, но негативные последствия тотального военного конфликта, неправильной организации тыла и окончательного развенчания облика власти и здесь привели к представлению о неотвратимости перемен. Все это происходило на фоне относительного экономического благополучия края.

В связи с призывом в войска 223,7 тыс. чел.¹ сельское хозяйство переживало постоянную нехватку рабочих рук. Однако в целом сохранилась положительная динамика аграрного развития, происходило увеличение валовых сборов зерновых культур, прежде всего пшеницы, овса и ржи (среднегодовые показатели за 1914 — 1917 гг. были выше таковых в 1910 — 1913 гг. на 58%), наблюдался рост поголовья всех видов скота. Свое благотворное воздействие оказали отмена накануне войны «челябинского тарифного перелома», благоприятные погодные условия (за исключением 1915 г.), усиленное использование сельскохозяйственных машин, применение труда военнопленных. В результате Тобольская губерния, как и другие районы Западной Сибири, в годы войны не только обеспечивала себя хлебом, но и имела значительные его излишки. Избыток хлеба от урожаев 1916 и 1917 гг. составлял 30,2 млн. пуд., в то время как соседние уральские губернии испытывали его дефицит в 17 млн. пуд.²

Мировая война не привела к милитаризации промышленного производства края, ориентированного в основном на переработку продукции сельского хозяйства, а военная конъюнктура способствовала преимущественному развитию кожевенного, овчинно-шубного, мясоконсервного, мукомольного производств и маслоделия. В условиях, когда доставка промышленных товаров и продуктов была затруднена, важную роль в обеспечении жизнедеятельности населения играли кустарные промыслы.

Тем не менее в 1915 — 1917 гг. население столкнулось с ростом цен на продовольствие. Поначалу подорожание основных продуктов было вызвано нарушением нормального обмена между городом и деревней, деятельностью скупщиков-посредников в условиях повышения спроса на продовольствие со стороны армии,

¹ Тобольский Филиал ГАТО. Ф. 417. Оп.1. Д. 518. Л. 69; Россия в первой мировой войне. 1914 — 1918 (В цифрах). — М., 1925. — С. 21.

² Иванцова Н. Ф. Западносибирское крестьянство в 1917 — первой половине 1918 гг. — М., 1993. — С. 57; История Урала. — Т. 1. — Пермь, 1976. — С. 348.

на Урале, в Петрограде и других промышленных центрах. Значительнее всего подорожали привозные товары — сахар, табак, мыло (почти вдвое), соль (в три раза)¹. Несмотря на имевшийся в регионе избыток продовольственных запасов, рост цен на них был ощутим. По данным городских управ, в январе-марте 1915 г. цены возросли в среднем по губернии на 22%, к октябрю-ноябрю — еще на 40%². Это становится особенно удивительным, если учесть, что население городов было сравнительно невелико, а сами города были окружены густой сетью деревень.

Установление городскими думами фиксированной цены продуктов мало способствовало устранению проблемы дороговизны: таксируемые предметы — мясо, хлеб, масло — вывозились в Ирбит, Камышлов, Екатеринбург, где цены были более высокими. Нередки были случаи сокрытия товаров. Достоинством гласности стало сокрытие товаров иностранными фирмами в Кургане, купцами в с. Обдорском, реквизиция крупного запаса пшеницы у купца Текутьева.³ В Ялуторовском уезде в 1915 г. образовалось неофициальное акционерное общество для перевозки масла гужом в Москву, которое составляло серьезную конкуренцию правительственным агентам по заготовке масла для армии⁴.

Продовольственный кризис стал фактором не только экономической, но и социальной дезинтеграции общества. В условиях всеобщего роста цен одиозной становилась фигура торговца. Складыванию негативного восприятия в немалой степени способствовала и пресса. Так, газета «Ермак» называла «людей наживы» «голодными шакалами» и «внутренними врагами»⁵, а некий «Обыватель» в «Сибирской торговой газете» высказывал мнение, что цены вздувают сами торговцы, оправдывая это сомнительными «мировыми ценами»⁶. С осени 1915 г. отмечается рост стихийного недовольства малоимущего населения перебоями в снабжении и дороговизной основных продуктов питания и предметов первой необходимости. В сельской местности протест против скупки и дороговизны продуктов и товаров чаще выражался в поджогах — спе-

¹ ГАТО. Ф. 2. Оп.1. Д. 1047. Л. 4.

² ТФ ГАТО. Ф. 335. Оп.1. Д. 42. Л. 314; Ф. 417. Оп.1. Д. 557. Л. 81, 94–95; Д. 576. Л. 136–137; Д. 577, Л. 15–16.

³ Самосудов В. М. Паразитизм иностранного капитала в сельском хозяйстве Западной Сибири // Из истории Западной Сибири и Омской области. — Омск, 1963. — Вып. 20. — С. 64; Наш край в документах и иллюстрациях. — Тюмень, 1966. — С. 478; Ермак. 1916, 12 мая.

⁴ Положение молочного хозяйства России до и во время войны. — Пг., 1917. С. 52.

⁵ Ермак. 1915. — 6 января, 26 октября.

⁶ Сибирская торговая газета. — 1915, 3 декабря.

цифически крестьянской форме борьбы. Самым массовым здесь стало выступление в мае 1916 г. доведенных до отчаяния крестьян с. Викуловского Тарского уезда, которые сожгли 17 домов местных лавочников и купцов¹. Прочие формы протеста против дороговизны в Тобольской губернии сочетались с требованиями повышения заработной платы и носили стачечный характер.

Свою роль в подорожании основных продуктов сыграло расстройство железнодорожного транспорта, установление предельных цен на закупаемые для армии хлеб и фураж, а также запрет на вывоз ряда продуктов из губернии. Организация заготовок для армии не отличалась системностью и последовательностью, а нерасторопность и неопытность в этом деле государственных чиновников регулярно приводила к срыву сроков поставок и к необходимости применения экстренных мер — реквизиций, которые наносили ощутимый удар по крестьянскому хозяйству. Несмотря на то, что в Тобольской губернии ни город, ни деревня не испытывали того голода, признаки которого отчетливо проявились в конце 1916 г. в Европейской России, вопрос о дороговизне в губернии был гораздо актуальнее других проблем. Провал в организации продовольственного дела в годы войны стал одним из главных факторов недовольства существующим правительством и политическим строем империи не только в центре, но и в такой далекой аграрной провинции, как Тобольская губерния.

Вопреки утверждениям многих сибиреведов предшествующего периода, исходя из основных показателей экономического развития, сложно прийти к выводу о складывании в Сибири предпосылок к революции, поэтому важным вопросом, требующим специального рассмотрения и осмысления, является проблема происшедших под влиянием войны изменений в настроениях населения. Рассмотрение источников, касающихся данной проблемы, дает возможность говорить об основных этапах этого процесса: патриотический подъем в начальный период войны, смена его «патриотической тревогой» к середине 1915 г. и нарастание оппозиции власти к концу 1916 г.

Объявление войны и мобилизации поначалу вызвало шок, который в сельской местности губернии вылился в 16 волнений мобилизованных, крупнейшим из которых было произошедшее в г. Ишиме². Выступления не были направлены против войны, а со-

¹ Крестьянское движение в России в годы первой мировой войны. — М. —Л., 1965. — С. 385.

² Самосудов В. М. Революционное движение в Западной Сибири (1907 — 1917 гг.). — Омск, 1971. — С. 153.

проводились разгромом винных лавок и требованием кормовых денег¹, в основе чего лежали естественные человеческие чувства — верность существовавшим традициям и тревога за судьбы близких. Царский манифест и начало пропагандистской кампании о поводе и целях войны пробудили «народный энтузиазм», а шок сменился бурным выражением верноподданнических чувств Царствующему дому. Свою преданность русскому государству и народу провозгласили иудеи, мусульмане, католики. Наблюдалась не просто лояльность к режиму, но всплеск проправительственных настроений, что выразилось как в участии практически всех слоев населения в сборе пожертвований на различные нужды, так и в создании общественных организаций и комитетов в помощь фронту. Важной особенностью этого периода стал интерес к печатному слову.

Диссонансом с общими настроениями прозвучали призывы коммуны толстовцев «Опомнитесь, люди-братья» и «Милые братья и сестры» к прекращению мировой бойни, которые, однако, не получили широкого отклика. Кроме того, менее успешное вопреки ожиданиям положение на фронте породило первые сомнения в степени боеспособности российской армии, которые все же не стали преобладающими до конца 1914 года.

Население по-разному относилось к войне. Часть крестьянства, купечества и промышленников, которая находила для себя выгодными поставки для армии и военные заказы и имела возможность избежать отправки на фронт, поддерживала продолжение войны. Однако имелись и другие настроения, на которые повлияли как неудачное ведение военной кампании 1915 г., рост цен и продовольственные проблемы, наплыв беженцев и военнопленных, так и разложение верховной власти, ее нежелание считаться с мнением общества и пойти на определенные реформы.

Тяжелое и неравномерно распределенное бремя войны вызывало у крестьянства рост стихийного пацифизма и чувство неприятия социальной действительности. Это нашло выражение не только в распространении негативных слухов о событиях на фронте, но и в росте числа антивоенных и антимонархических высказываний. Все чаще, особенно в 1916 г., стал звучать мотив желательности расправы с самим царем, как с главным «источником бед» и мучений народа. На настроение деревни влияли и многочисленные реквизиции и взыскания недоимок. Отказ крестьян, а особенно семей призванных, выплачивать недоимки, а также текущие сборы

¹ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 123. Д. 138, Ч. 76. Л. 2, 5; ТФ ГАТО. Ф. 152. Оп. 28. Д. 42. Л. 90; Горюшкин Л. М., Ноздрин Г. А., Сагайдачный А. Н. Крестьянское движение в Сибири 1914 — 1917 гг.: Хроника и историография. — Новосибирск, 1987. — С. 109–110.

становится широко распространенным явлением¹. В 1916 г. рост недоимок составил 33,5% в сравнении с 1914 г., а казенные и земские сборы — 84% от намеченного уровня².

Другим проявлением особенных настроений крестьянства стали порубки казенного леса, поводом к которым стала надежда на издание по окончании войны манифеста о «сложении» штрафов и взысканий за порубки. Показательной стала и судьба «сухого закона», имевшего идеологическую подоплеку и введенного в начале войны. Несмотря на запреты и преследования, подпольное самогонварение приняло в деревне гигантские масштабы. Крестьяне варили самогон даже вблизи губернского центра³.

Отличительной чертой общественной жизни Тобольской губернии в годы войны оставалась ее глубокая провинциальность, слабая политическая организованность в сравнении даже с соседними территориями — Уралом и Томской губернией. Разгром в предвоенный период социал-демократической организации в губернии, сокращение притока политических ссыльных, усиление полицейского надзора в период войны, — все это не способствовало широкому распространению идей социал-демократов. Исключение составил подпольный марксистский кружок учащейся молодежи в Тобольске в 1914 — 1915 годах. Эсеры отдали предпочтение практической работе в кооперации.

Пока не подтверждается документально факт антиправительственной и антивоенной агитации революционных партий в губернии, а стачки и забастовки были связаны, скорее, с общим ухудшением условий жизни рабочих. Рабочие выступления носили сезонный характер и в подавляющем большинстве своем были направлены на улучшение условий труда. Тюмень и Курган в период войны оказались на третьем и четвертом месте по количеству стачек в Сибири.

Масштабность задач, поставленных войною перед городским управлением, и ограниченность средств для их реализации, неспособность самодержавия вести победоносную войну благоприятствовали смене «патриотических» настроений в городской среде более умеренными, активным требованием реформ в городском самоуправлении, которые в то же время не были чрезмерно радикальными и не выходили за рамки оппозиции режиму. Просторы края, слабые связи из-за отсутствия развитых путей сообщения

¹ Самосудов В. М. Указ. соч. — С. 113, 117, 156.

² Обзор Тобольской губернии за 1914 г. — С. 18–19; ТФ ГАТО. Ф. 335. Оп.607. Д. 114. Л. 9.

³ Сибирский листок. — 1916, 22 сентября.

мешали не только исчерпанию экстенсивного развития в области экономики, но и появлению кардинально новых идей в области мысли. Лишь узкий круг либералов в Тюмени и Кургане, сопричастных веяниям времени и подверженных влияниям из центра, оказался способным поднять вопрос о формировании правительства народного доверия. Если правительство в годы войны, как и прежде, наиболее приемлемым для Сибири считало централизованное правление, то местная либеральная общественность начинает активно высказываться за введение земства на территории Тобольской губернии и более эффективное городское управление. Если в Европейской России в этот период разворачивается движение против сословных земств, за демократизацию земских органов¹, то общественность губернии сочла бы за демократизацию само лишь учреждение земства. Однако разработка правительством основных положений о введении земства в Тобольской и Томской губерниях постоянно откладывалась.

Вопрос об изменении городского положения был тем более актуален, что имперские структуры в критической ситуации не имели возможности наладить эффективное управление страной и львиная доля расходов по содержанию пленных, размещению и обеспечению раненых и беженцев легла на города. На обремененность городского бюджета непосильными расходами, связанными с военным временем, ссылались управления почти всех городов губернии². Города быстро исчерпали имевшиеся возможности повышения городских доходов, а установить новые им не позволяло городское положение. Так вопрос экономический перерастал в вопрос о реформе. В конце 1916 г. Тюменская городская дума констатировала: «Лозунг «Все для войны, а потом внутреннее устройство страны», принятый Государственной думой — лозунг неправильный, нужны внутренние реформы»³.

Особенно обострилась ситуация в губернии во второй половине 1916 года. В силу очевидной бесперспективности и растущей непопулярности войны особенное внимание общества привлекло уклонение состоятельных граждан от воинского долга, а также подкуп и казнокрадство в 35-м стрелковом полку в Тюмени.⁴ Отсутствие реформ и ухудшение экономического положения в стране, разрыв хозяйственных связей делали практически невозможной под-

¹ Герасименко Г. А. Земское самоуправление в России. — М., 1990. — С. 49–50.

² ГАТО. Ф. 9. Оп. 1. Д. 1. Л. 6, 7, 19, 23; Известия Курганского городского общественного управления. 1915, 2 апреля.

³ Сибирская торговая газета. — 1916, 10 декабря.

⁴ Наш край в документах и иллюстрациях. — С. 541.

держку правительства. В связи с реквизицией на тыловые работы проявляло недовольство инородческое население губернии. К концу 1916 г. стало очевидным, что, несмотря на разницу социального происхождения и имущественного положения, для значительной части населения губернии стал характерен взгляд на правительство как на противоположный, противоборствующий лагерь. Истоки этого были не только в тяжести войны, но и в неспособности правительства пойти хотя бы на некоторую либерализацию режима. Этим самодержавие лишило себя поддержки и доверия широких слоев населения.

Таким образом, относительное экономическое благополучие не спасло губернию от политических потрясений. Февральская революция была с ликованием встречена в губернии, население которой в надежде на перемены в общественной жизни выразило свою поддержку новому правительству. Однако более стабильное развитие экономики не создавало благоприятной почвы для левого радикализма и распространения идей большевизма, что наложило свой отпечаток на характер политического процесса в регионе в 1917 г.

А. В. Антошин

Февральская революция в Екатеринбурге: вопросы историографии

Революция 1917 г., казалось бы, никогда не относилась к числу тем, обделенных вниманием отечественных историков. Однако события Февраля 1917 г., как известно, долгое время были на периферии интереса уральских (да и не только уральских) исследователей. Так, исторические сочинения 1920-х¹ и 1930-х — начала 1950-х² гг. были посвящены прежде всего Октябрю 1917 г. Февраль воспринимался лишь как прелюдия Октября, буржуазно-демократический этап революции, который сам по себе не представляет специального объекта исследования. Это, однако, не означает, что работы, написанные в те годы, могут быть игнорированы современными историками. В 1920-е гг. советская историческая наука

¹ См.: Воробьев В. Октябрьские дни в Екатеринбурге. – Свердловск, 1927; Баранов А. Октябрь и начало Гражданской войны на Урале. – Свердловск, 1928; и др.

² См.: Рычкова Г. П. Большевики Урала в борьбе за победу Великой Октябрьской социалистической революции. – Свердловск, 1947; Юфев Я. С. Трудящиеся Урала в борьбе за победу Великой Октябрьской социалистической революции. – Свердловск, 1951; и др.